

УДК 81'37 (=512.154)

**ОБРАЗ МИРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИРГИЗОВ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕЛЕСНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ**

М.Дж. Тагаев

Дается описание того, как и какими способами происходит в сознании человека переработка знаний о мире и какой языковой образ мира складывается в результате этих процессов у представителей киргизского этноса через призму телесного кода культуры, в чем заключается национально-культурная специфика этой языковой картины мира.

Ключевые слова: код культуры; соматизмы; языковая картина мира; экологическая среда; трехмерное пространство; вторичная номинация; метафоризация; внутренний мир человека; внешний пространственный мир.

**THE WORLD IMAGE IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF KYRGYZ PEOPLE THROUGH THE PRISM OF THE SOMATIC CULTURE CODE**

M.Dj. Tagaev

The article describes the operation and methods of world image processing in the human mind, and the linguistic image of the world formed as a result of these processes among the representatives of the Kyrgyz ethnos through the prism of the somatic code of culture, what is the national and cultural specificity of this linguistic image of the world.

Keywords: culture code; somatisms; linguistic picture of the world; ecological environment; three-dimensional space; secondary nomination; metaphorization; inner world of man; external spatial world.

Наряду с другими парадигмами изучения языка, в лингвистике XXI в. актуальным является представление, связывающее язык с его носителем, историей и культурой этноса, ареалом его проживания и окружающей средой, а также всем тем, что формирует язык как исключительно человеческий феномен.

Когда мы говорим о языковом образе мира, то имеем в виду субъективную интерпретацию реалий действительного мира, представленную средствами данного языка. Субъективность превращает язык в семиотическую систему, «основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом» [1, с. 14], и это свойство языка дает широкий простор для создания национально обусловленных особенностей восприятия, оценки мира, а также для выбора набора языковых средств, которые используются для номинации реалий действительности. Благодаря этим процессам все реалии окружающего мира получают идиоматичную, характерную только для данного этноса интерпретацию, результаты

которой системно закрепляются в языковых формах, придавая образу мира национально-культурный колорит.

В центре языковой картины мира находится человек как исходная точка отсчета и призма, через которую преломляются все реалии и события, с которыми связана жизнедеятельность человека. Надо полагать, что построение языковой картины мира в меньшей степени зависит от формального типологического устройства языка, поскольку носители разных языков могут иметь сходные образы мира. Следовательно, различия между языками лежат гораздо глубже, уходят своими корнями в историю народа, его культуру и уклад жизни, в условиях которых формируется матрица языкового своеобразия. «Этот уклад, доставаясь народу от отдаленных эпох, – утверждал В. Гумбольдт, – не может действовать на народ, чтобы не сказаться и на его языке» [2, с. 63].

В этой связи кочевая культура и хозяйственная деятельность киргизов, ориентированная на животноводство оказали прямое влияние на формирование

архетипов сознания и языковое своеобразие. Для киргизов разведение скота было главным занятием. Животные были частью их существования, они жили бок о бок с людьми, а молочные продукты и мясо составляли основной рацион пищи. Каждый киргиз умел резать барана, сызмальства знал устройство внутренних органов животных. Он наблюдал, к примеру, что печень животного гладкая, и она является местом, где сосредотчивается его кровь и очищается. Поэтому у кочевых народов слово *печень* стала широко использоваться для метафорических переносов: словом *боор* «печень» стало возможным обозначить гладкий склон горы, а поскольку *боор* «печень» является сосредоточением крови, то данным словом стали обозначать и кровных родственников.

Естественно, что человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. Завершив этот процесс, он экстраполировал свои знания о себе самом на окружающую действительность. Логично, что он использовал названия частей своего тела для целей вторичной номинации новых смыслов на основании сходных признаков между обозначаемыми объектами. Поскольку процесс вторичной номинации имеет прежде всего национально-культурную специфику языковой знак представляет собой не только семиотическое явление, но и становится фактом и архетипом культуры. Когда же речь идет не об отдельных случаях переноса значения, а об использовании для целей вторичной номинации целых концептуальных систем, исследователи говорят о таком понятии, как культурный код [3]. Иначе говоря, культурный код – это вторичная знаковая система, которая включает в себе национально-культурный смысл и служит для выражения языковой картины мира этноса. По мнению В.В. Красных, такой код представляет собой сетку, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и “кодируют” [4, с. 5].

Однако в языках формирование кодов культуры может иметь свои отличительные особенности. Так, телесный код культуры киргизов имеет билатеральный характер: с одной стороны, он формируется из архетипических представлений, сложившихся на основе внутренних органов животных, перенесенных на внутренние состояния человека, а, с другой, – он сформировался на базе различных ассоциаций, связанных с частями тела самого человека. Так, например, пологий склон горы обозначается как *боор* «печень» по сходству с гладкой формой печени животного, а другое название

этого предмета – результат метафорического переноса по сходству с гладкой щекой человека – *бет* «щека, лицо».

Соматизмы и количество их значений	
русские	киргизские
рука – 6	кол – 5
глаз – 3	көз – 6
голова – 5	баш – 8
рот – 2	ооз – 3
сердце – 5	жүрөк – 4
лицо – 5	бет – 5
печень – 1	боор – 5
ухо – 3	кулак – 4
почка – 2	бөйрөк – 2
позвоночник – 1	омуртка – 1
локоть – 3	чыканак – 2
ноздри – 1	таноо – 2

Национальный язык и закрепленный в нем прошлый опыт этноса создают такие культурные стереотипы сознания, которые кажутся естественными в родном языке (*тихо шепчет ручей* *булак шыбырайт’, *зима злится* *кыш ачууланат’, *солнце веселится* *күн сайрандайт’), но они представляются необычными, если бросить взгляд с позиций другого языка. Поэтому выделить и обозначить какие-то культурные или языковые особенности не удастся, если не взглянуть на собственную культуру и язык с позиций другого языка, о чем писал еще В. фон Гумбольдт [2, с. 80–81].

Взгляд на киргизский язык с позиций русского показывает, что соотносительные соматизмы данных языков имеют разное число вторичных значений. Так, в русском языке слово *рука* имеет до 6 переносных смыслов, однако в этой системе нет таких значений, как в киргизском, где *кол* ‘рука’ метафорически обозначает: 1) войско, 2) подпись на документе, 3) палец руки.

Отличаются языки и ценностным отношением к телу. Так, мужское тело для киргиза представляется точкой отсчета, откуда производно и женское. Ср., поговорку используют мужчины, когда необходимо принять важное решение: *кабырга менен кеңешип келейин* ‘мне надо посоветоваться с ребром’. Ребро – это жена, с которой надо решить важный для семьи вопрос.

Телесный код складывается из названий частей человеческого тела – соматизмов, которые можно разделить на следующие группы [5]:

1) сомонимическая (от *лат.* *sensus* “чувство, ощущение” и греч. *опута* “имя”) лексика, к которой относятся слова, обозначающие поверхностные части тела (название головы и ее частей, на-

звания шеи и туловища человека, названия верхних и нижних конечностей;

2) сплахнонимическая (от греч. *splanchna* “внутренности” и опута “имя”) лексика, куда относятся слова со значением внутренних органов и названия пищеварительных, дыхательных, мочеполовых органов;

3) ангионимическая (от греч. *angeion* “сосуд” и опута “имя”), включающая в себя наименования кровеносных сосудов;

4) остеонимическая (от греч. *osteon* “кость” и опута “имя”) лексика, складывающаяся из названий костей головы, туловища, нижних и верхних конечностей;

5) сенсонимическая лексика (от *лат. sensus* “чувство, ощущение” и греч. опута “имя”), состоящая из названий органов обоняния, органов вкуса и органов осязания.

В свою очередь с точки зрения выполняемой функции и сферы применения данные группы соматической лексики в киргизском языке объединяются в два крупных разряда, служащих для обозначения: 1) внутреннего мира человека (сплахнонимическая, ангионимическая и остеонимическая лексика); 2) внешнего пространственного мира (сомонимическая и сенсонимическая лексика).

1. Внутренний мир человека. *Сплахнонимическая лексика* используется преимущественно для метафорического обозначения человеческих качеств, его ощущений и переживаний, родственных отношений. Сравните, *өпкө* «легкие» называют ‘легкомысленного, хвастливого человека’, есть выражение *өпкөсү жок* – (букв.: нет легких) для характеристики такой личности; *өпкөмдү чабайын* – (букв.: брошу свои легкие) в знач.: ‘милый мой, ненаглядный’ – выражение преданности, желания пожертвовать собой. Интересно заметить, что в представлении киргизов *өпкө* «легкие» – это средоточие напускной храбрости противопоставляется *жүрөк* «сердцу» какместилищу страха или храбрости. Ср., *Өпкөдө кыз-кыз, жүрөгүндө пызпыз* ‘В легких отвага, а в сердце страх’. В то же время словосочетание *эр жүрөк* «храброе сердце» может служить эпитетом храброго человека.

Особое место занимает слово *боор* ‘печень’. В функции вторичной номинации данное слово активно используется для обозначения широчайшего круга разнообразных человеческих отношений *боордош* – (букв.: имеющий общую печень) в знач.: ‘кровный родственник’; *таш боор* – (букв.: каменная печень) в знач.: ‘жестокий, бездушный’; *боорукер* – ‘отзывчивый, сердобольный’. Слова *боорумай, бир боорум* (букв.: моя печень с оттенком экспрессии) используется часто в плачах по умершему). *Боор тарт* – ‘сочувствовать, выказывать

симпатию. Слово *боор* с метафорическим значением используется в составе пословиц и поговорок. Ср., *Туугандын өзү таарынса да, боору таарынбайт* ‘родич обижается, да печень его не обижается’.

Киргизское слово *боор*, узбекское *жигар* – *jigar*, казахское – *бауыр*, татарское – *бавыр* одинаково переводятся на русский – печень, имеют сходный набор метафорических значений и такой же механизм метафорического переноса. Ср., в казахском – *ет бауыр* (букв.: мясо-печень ‘самый близкий; кровный’), *кара бауыр* (букв.: черная печень ‘жестокий, зловерный’); в узбекском – *жигарбанд* (*jigarband*) ‘родной, близкий родственник’, *жигарсўхта* (*jigarso`хта*) – ‘глубоко опечаленный, страстно влюбленный’. Во всех этих языках во вторичной номинации печень является средоточием человеческих чувств, переживаний и родственных отношений и выражает национальное представление образа мира. В русском же языке печень редко используется для выражения чувств и может пониматься как орган, в котором, наоборот, накапливается злоба. Ср.: *Он у меня в печенках сидит*.

С точки зрения способа выражения внутренних переживаний и человеческих отношений киргизский, узбекский, казахский и др. языки, в которых печень является средоточием человеческих чувств, можно было бы типологически отнести к “печеночным” языкам.

Слово *карын* ‘желудок, утроба’ мотивирует производные слова, имеющие значение близкого родственника. Так, в киргизском языке в результате метонимического переноса создано слово *карындаш* (букв.: единопутробный) в значении ‘младшая сестра по отношению к старшему брату’.

Ангионимическая лексика выражает дружеские и родственные связи: *тамыр* – кровеносный сосуд, пульс: *тамыр* – в знач.: 1) ‘друг, приятель, побратим’; 2) любовник, любовница; сожитель, сожительница’.

Остеонимическая лексика служит для обозначения праха умерших или лиц, находящихся в отношениях некровного родства. Если человек умирал далеко на чужбине, близкие снимали телесную часть и везли на родину только кости усопшего. Сравните, *сөөк* – кость: *сөөк чыгаруу* – (букв.: выносить кости) в знач.: ‘выносить тело покойного’; *сөөгүңдөгү майыңды чыгарам* – (букв.: Я вытащу жир из твоих костей) в знач.: ‘Я из тебя всю душу вымотаю’. Дос айрылат, *сөөк кайрылат* ‘Друзья могут расстаться, свойственник помогает’; *куда-сөөк* имеет собирательное значение ‘все родственники по линии брачных отношений’.

Сенсонимическая лексика используется для качественной характеристики личности: *мурун* – нос:

мурдуна бок сүртсөн билбейт – (букв.: не заметит, если даже обмахнешь ему нос дерьмом) в знач.: ‘безобидный, ко всему равнодушный человек’; *мурду буткөн* – (букв.: нос заложен) в знач.: ‘у него всего вдоволь’.

Соматическая лексика из второго разряда (сомонимическая и сенсонимическая лексика) обретает образный метафорический смысл в составе лексикализованных словосочетаний и служит для выражения качественных признаков человека. Так, словосочетание *бети жок* ‘нет лица’ с компонентом *бет* ‘лицо, щека’ имеет смысл ‘бесстыдный, не имеющий совести’, а словосочетание *кызыл тил* ‘красный язык’ с компонентом *тил* ‘язык’ выражает значение ‘красноречивый’. Ср., *Өнөр алды кызыл тил* ‘Первый из искусств – красный язык, т. е. красноречие’.

Особое место среди соматизмов киргизского языка занимает слово *көз* ‘глаз’, который образует широкий круг метафорических смыслов в культурно-языковом пространстве этноса. Если для русского языка глаз обозначает орган зрения и связанную с ним способность видеть, то для киргиза *көз* ‘глаз’ имеет сакральное значение, вбирая в себя философские смыслы начиная от зарождения жизни человека, заканчивая его смертью. Ср.: 1) *көз жарды* (букв.: глаз лопнул, раскрылся) ‘родить (о человеке)»; *Аман-эсен көз жарып алдыбы?* ‘Благополучно ли она родила?’; 2) *көз* ‘глаз’ олицетворяет человеческую жизнь: *Атаңдын көзү барда, окуп ал* (букв.: Пока есть глаз отца, получи образование) ‘Получи образование, пока жив отец’; 3) конец жизненного пути также связан с *көз* ‘глазом’: *көзү өтүп кетти* (букв.: глаз его прошел) ‘умер, скончался’. В киргизском языковом сознании *көз* ‘глаз’ и *баш* ‘голова’ являются вместилищами внутреннего мира человека: *Баш акылдын кабы, көз – жандын айнеги* ‘Голова вместилище ума’, *глаз – зеркало души*.

II. Пространственный мир. Пространство, наряду со временем, является формой человеческого существования. Языковое отражение пространства – это способ проявления бессознательного, определяющий национально обусловленный характер восприятия мира и человеческого поведения. Родной язык и принадлежность человека к той или иной культуре формирует как разные модели пространства, так и способы их обозначения.

Киргизы – это номады, которые сформировались как этнос в экологической среде горного пространства. Следовательно, для обозначения пространственных реалий горного ландшафта у них должна быть особая семиотическая система, которая учитывает трехмерный характер горного ландшафта и идет из глубин веков.

Если учесть, что особенностью киргизского мышления является его склонность к аналогиям, и это отражено в системе языка, где можно выделить чрезвычайно регулярный сравнительный аффикс -дай (с вариантами), легко присоединяемый практически к любому имени. Данный элемент придает словам сравнительно-уподобительное значение, что позволяет соотносить их по значению с сравнительными конструкциями русского языка с союзом *как* (*анардай* ‘как гранаты’, *темирдей* ‘как железо’, *койдой* ‘как овца’).

Включенность данного аффикса в структуру слова позволяет таким единицам свободно, без синтаксических ограничений, функционировать в состав высказываний: *Теректей бой бергенче, темендей акыл берсин* ‘Пусть [Бог] лучше даст ребенку ум размером с иголку, чем высокий рост как у тополя’. Причем, как правило, у сравниваемого предмета в контексте не всегда маркируется признак для сравнения; ввиду регулярности сравнений он присутствует в культурно-смысловом пространстве, и поэтому очевиден для каждого носителя языка: *көздөрү карагаттай* ‘глаза черные, как смородина’, *тишитери күрүчтөй* ‘зубы ровные и белые, как рисинки’, *чымындай жану* ‘с душой, беззащитной, как у мухи’. А вот так с использованием сравнений описывается чудовище, с которым предстояло сразиться богатырю Манасу, герою одноименного киргизского эпоса [6].

Так чынындай көзү бар,	Глаза у него с пиялу,
Кыңшылаган үнү бар,	С визгливым голосом оно,
Кызыл сур келген жүнү,	Красновато-серой
Чоң казандай башы бар,	шерстью покрыто,
Уя баскан айгырдын	Голова – как огромный котел,
Куйругундай чачы бар.	Волосы – как будто
	хвост жеребца,
	Уже давно имеющего косяк.

Аналоговое мышление киргиза, явленное в языке, позволяло сравнивать не только одни предметы с другими, но и создало предпосылки для использования целых когнитивных систем для названия других объектов действительности.

Когнитивные структуры являются универсальными для человеческого мышления. Это означает, что восприятие, память, язык и мышление тесно связаны между собой в решении задачи, направленной на осуществление процессов усвоения и переработки знаний об окружающем мире [7, с. 41]. Исследователи пишут об экспансии концептов, при которой осуществляется перенос языкового обозначения одной когнитивной структуры для осмысления, переработки и номинации этими средствами другой области человеческого знания. Благодаря такой человеческой способности любые

реалии окружающего мира, между которыми имеется какое-либо сходство по внешним или функциональным признакам может стать для человека основой для метафорического переноса с целью познания данного предмета или реалии.

В этом процессе играет важную роль тот факт, что мышление человека имеет пропозиционально-фреймовое начало, что характерно для всех языков, а “механизм познания мира в этом плане един для представителей современной земной цивилизации” [8, с. 12]. Поэтому, несмотря на отсутствие в одном языке некоторых метафор, представители других языков, основываясь на общности пропозициональной структуры, в целом могут понять, почему такой перенос возможен в языке. Так, например, в выражении *медовый месяц* (первый месяц супружества молодых людей после свадьбы) метафора *медовый* легко понимается киргизами, хотя такого типа перенос отсутствует в этом языке. В то же время для русского человека достаточно прозрачна мотивация таких киргизских имен, созданных путем метафорического переноса, как *Бектемир* ‘крепкое железо’, *Алтынай* ‘золотая луна’ и др.

В то же время в языках получают закрепление уникальные для каждого языка и национально обусловленные образы и типы метафорического осмысления мира. Так, например, сравнение ровной и гладкой поверхности горного склона с щекой человека логически понятно каждому человеку независимо от языковой принадлежности, однако такой образ может присутствовать только в отдельных языках. Таким способом соматический код накладывается на пространственный мир, образуя пространственный код.

Причем, этот код в языках имеет свои особенности реализации. Так, образ склона горы может строиться на разных его признаках 1) на сходстве пологости и гладкости этих предметов: *тау бите* ‘щека горы’ (таг.), *таудың баурайы* ‘печень горы’ (казах), тоодун бети ‘щека горы’ или *тоодун боору* ‘печень горы’ (кирг.); 2) на пространственных понятиях – *mountainside* ‘сторона горы’ (англ.); 3) на рельефных особенностях, появившихся в результате каких-либо действий: склон горы ‘склониться’ (русс.), *тогли қиялик* ‘срез горы’, *уатақ* ‘обшивка горы’ (турецк.).

Взгляд на метафору как на организующий принцип понятийной системы человека, обуславливающий его восприятие, мышление и поведение, позволяет раскрыть сложные абстрактные понятия через простые конкретные проявления, что и составляет основное свойство когнитивных метафор. Благодаря соотношению человека и мира по оси пространства окружающий мир обретает челове-

ческое измерение, в котором точкой отсчета является человек и его язык [9, с. 29]. Поскольку геометрический образ человеческого тела и горного ландшафта оказались соизмеримыми (такими же трехмерными, как и человеческое тело, представлялись горы), оказалось удобным, наряду с другими способами, использовать для этих целей названия частей человеческого тела. Поэтому перенос системы названий концептов человеческого тела на ландшафтные концепты – процесс закономерный.

Горный ландшафт, где жили и вели свою хозяйственную деятельность киргизы, можно назвать трехмерным, так как он имеет три однородных измерения – высоту, ширину и длину. На пологих горных склонах могли пастись животные, которые на зиму спускались в низовья, а летом их перегоняли на высокогорные пастбища – жайлоо. Для скотовода был важен каждый склон горы, выступ, расселина, перевал или пещера и мн.др., так как от знания рельефа среды обитания зависел выпас и безопасность скота, и, следовательно, благополучие всей семьи. Поэтому необходимость оязыковления особенностей горного рельефа становилась актуальной задачей.

Здесь тоже “работала” склонность киргизов к аналогии. Почти каждая часть тела, а также по смежности детали одежды человека могли быть использованы путем вторичной номинации для обозначения особенностей горного ландшафта. Метафорическое использование соматической лексики для обозначения горного ландшафта, с одной стороны, составляет одну из особенностей языкового мышления киргиза, а, с другой, – эксплицирует определенный фрагмент языковой картины мира, представленный в киргизском языке. Языковое сознание киргиза, соотнося абрис человека, строение, функции и характерные черты частей тела с контурами и рельефными особенностями горного пространства, охотно создает на базе такой лексики систему соответствующих метафор.

Основой метафоры является архетип, который существует в мышлении людей как коллективное бессознательное, присущее всем носителям данного языка, а сам способ создания на его базе метафор обретает характер национально обусловленной схемы восприятия и оценки мира. Архетипичной является сомонимическая лексика, которую отличает обращенность к внешней, поверхностной стороне человеческого тела; она обнаруживает определенные сходства и ассоциации его частей с пространственными особенностями горного рельефа. Эти сходства легко обнаруживаются человеческим разумом, благодаря которому человек рассматривает геометрический образ той или иной

№	Тип когнитивной оппозиции	
	1-ый когнитивный признак	2-ой когнитивный признак
1.	“Верх”	“Низ”
	<i>баиш</i> ‘голова’, <i>төбө</i> ‘макушка’, <i>чоку</i> ‘теменная кость, макушка’, <i>бел</i> ‘поясница, хребет, спина’, <i>жон</i> ‘спинной хребет’, <i>жал</i> ‘грива’, <i>жото</i> ‘хребет’	<i>этек</i> ‘подол’, <i>таман</i> ‘подошва’, <i>согончок</i> ‘пятка’
2.	“Внутри”	“Снаружи”
	<i>колтук</i> ‘подмышки’, <i>көз</i> ‘глаз’, <i>ич</i> ‘внутренность, внутренняя часть’, <i>бөйрөк</i> ‘почка’, <i>жатын</i> ‘матка’, <i>коюн</i> ‘пазуха, объятия’, <i>ооз</i> ‘рот’, <i>тамак</i> ‘горло’, <i>кабак</i> ‘веко’	<i>сырт</i> ‘внешняя сторона, внешность’, <i>бет</i> ‘щека, лицо’
3.	“Впереди”	“Позади или сбоку”
	<i>маңдай</i> ‘лоб’, <i>чеке</i> ‘лоб, виски’, <i>төш</i> ‘грудь’, <i>боор</i> ‘нижняя часть живота’, <i>көжүрөк</i> ‘грудь (каждая из двух половин)’	<i>жамбаиш</i> ‘правая или левая часть бедра’, <i>арка</i> ‘спина, задняя сторона, тыл’, <i>далы</i> – ‘лопатка’, <i>кабырга</i> ‘ребро’, <i>каптал</i> ‘бок’, <i>жаак</i> ‘челюсть’
4.	“Центральный”	“Периферийный”
	<i>киндик</i> ‘пуповина’, <i>жүрөк</i> ‘сердце’	<i>каптал</i> ‘бок’, <i>жаак</i> ‘челюсть’, <i>жамбаиш</i> ‘правая или левая часть бедра’, <i>арка</i> ‘спина, задняя сторона, тыл’, <i>далы</i> – ‘лопатка’
5.	“Плоский”	“Выпуклый”
	<i>жака</i> ‘воротник’, <i>төш</i> ‘грудь’, <i>бет</i> ‘лицо’, <i>боор</i> ‘нижняя часть живота’	<i>тумиук</i> ‘клюв, хобот, рыло’, <i>мурун</i> ‘нос’, <i>богок</i> ‘зоб’, <i>эмчек</i> ‘женская грудь’, <i>каш</i> ‘бровь’, <i>эрин</i> ‘губа’, <i>азуулуу аска скала</i> с острием
6.	“Схема”	“Характерный признак”
	<i>ача</i> ‘промежуток между верхней внутренней частью человека’, <i>моюн</i> ‘шея’, тизе ‘колено’, <i>чат</i> ‘место соединения ног (с внутренней стороны)’, <i>алакан</i> ‘ладонь’, <i>алкым</i> ‘передняя часть шеи (под подбородком)’, <i>чыканак</i> – ‘локоть’, <i>шыйрак</i> ‘голень, большая берцовая кость’, <i>ээк</i> ‘подбородок’, <i>кол</i> ‘рука, кисть руки’, <i>кулак</i> ‘ухо’, <i>мойнок</i> ‘шея, чаще верблюжья’, <i>богоз</i> ‘горло, глотка’	<i>каптал</i> ‘бок’, <i>жаак</i> ‘челюсть’, <i>жамбаиш</i> ‘правая или левая часть бедра’, <i>арка</i> ‘спина, задняя сторона, тыл’, <i>далы</i> – ‘лопатка’, <i>тумиук</i> ‘клюв, хобот, рыло’, <i>мурун</i> ‘нос’, <i>богок</i> ‘зоб’, <i>эмчек</i> ‘женская грудь’
7.	“Маленький”	“Большой”
	<i>алакан</i> ‘ладонь’, <i>жүрөк</i> ‘сердце’	<i>каптал</i> ‘бок’, <i>жаак</i> ‘челюсть’, <i>жамбаиш</i> ‘правая или левая часть бедра’, <i>арка</i> ‘спина, задняя сторона, тыл’, <i>далы</i> – ‘лопатка’

части тела в качестве прообраза или архетипа для создания соответствующей метафоры. Изначально может кто-то и заметил сходство некоторых частей человеческого тела с некоторыми деталями горного ландшафта и употребил в переносном значении тот или иной соматизм. У слушающего такое употребление могло вызвать более обширное значение и включить в значение данного соматизма широкий круг сходных реалий. Таким образом, на базе соматической лексики создается этнически обусловленный код культуры, через призму которого происходит осмысление и категоризация новых фрагментов действительности.

Системная совокупность соматических архетипов становится базой для создания системы метафорических концептов, которые Дж. Лакофф и М. Джонсон назвали ориентационными метафора-

ми, “так как многие из них связаны с ориентацией в пространстве: “верх – низ”, “внутри – снаружи”, “передняя сторона – задняя сторона”, “на поверхности – с поверхности”, “глубокий – мелкий”, “центральный – периферийный” [10, с. 35]. Если у Дж. Лакоффа и М. Джонсон ориентационные метафоры служат для обозначения абстрактных концептов, как, например, концепт ‘счастье’ ориентирован на “верх”, что проявляется в английских фразах типа *I'm feeling up today* ‘Я сегодня чувствую себя на вершине блаженства’, то метафорическое обозначение ландшафтного рельефа в киргизском языке основано на вполне конкретных сходствах предметов.

Словари киргизского языка дают около 50 наименований-понятий, обозначающих названия человеческого тела, которые используются в метафорическом осмыслении мира [11]. Выделяются

следующие типы пространственных когнитивных оппозиций, в которых системно располагаются концептуальные метафоры: “верх – низ”, “в – из”, “внутри – снаружи”, “передняя сторона – задняя сторона”, “фасадная часть – боковая часть”, “глубокий – мелкий”, “центральный – периферийный”, “ровный – выпуклый” и др., которые строятся на образах частей человеческого тела.

1. Пространственная оппозиция “верх-низ” реализуется в сомонимических единицах, обозначающих части тела по вертикали. Первый член оппозиции “верх” представлен словами-архетипами: баш ‘голова’, чоку ‘теменная кость’, төбө ‘макушка’, которые метафорически объединяются под общим значением “верхняя часть горы”. Причем, каждое метафорическое название имеет некоторые различия в значениях: *баш* – верхняя часть горы, *чоку* – самая вершинная ее часть, *төбө* – пологая вершина горы. Например, *бийик тоону көрөм десең, башына чыкпа* ‘если хочешь посмотреть на высокую гору, то на вершину ее не всходи’. В киргизском языке данная оппозиция реализуется как в нарицательных именах (*тоодун башы* ‘верхушка горы’, *тоодун чокусу*, ‘наивысшая точка горы’, *тоодун төбөсү* ‘верхняя часть горы’), так и в собственных названиях-топонимах (*перевал Ала-Баш* ‘пестрая или снежная голова’, *село Баш-Булак* ‘верхний родник’, левый приток реки Нарын *Ат-Башы* ‘голова лошади’).

Значение “верх, верхняя часть” может реализовываться через призму положения тела лежа, т. е. по горизонтали, когда верхом становится становится спина человека, напоминающая горную грядку. В этом случае обозначается протяженный, вытянутый “верх” горы, что выражается лексическими наименованиями: *бел* ‘поясница, хребет, спина’ – горный хребет, широкий горный перевал, *жон* ‘спинной хребет’ – гребень горы, кромка хребта, *жото* ‘берцовая кость’ – гребень горы, горный хребет, *жал* ‘грива вал’ – гряда, гребень горы. Впрочем, последнее наименование чаще обозначает гриву коня как верхнюю часть, хотя и может называть соответствующую часть человеческого тела.

Второй член этой оппозиции “низ” метафорически выражен через архетипичные схемы *таман* ‘подошва’, *аяк* ‘нижняя часть ступни’, *согончок* ‘пятка’. Например: *Чоң сайдын таманынан тиги кырга чыккычакты итапкан өр* ‘От подножья ущелья до гребня горы немалый подъем’. Причем, исходный архетипичный образ *аяк* “нижняя часть ступни” стирается в памяти носителей киргизского языка, сохранившись в лексике ряда других тюркских языков. Отметим также, что метафоры создаются и по ассоциациям по смежности, когда для обозначения пространственного концепта ис-

пользуется деталь одежды, покрывающая соответствующую часть тела. Так, “низ” может быть обозначен словом *этек* ‘подол’.

2. Следующая оппозиция “внутри – снаружи”. Функция “внутри” реализуется лексическими единицами: *колтук* ‘подмышки’ – угол, тупик, тупиковое окончание оврага, *көз* ‘глаз’ – место выхода воды из источника, *ич* ‘внутренность, внутренняя часть’ – внутренняя часть горного пространства, *бөйрөк* ‘почка’ – впадина на склоне горы, *жатын* ‘матка’ – место лежания, лежка (для скота), *коюн* ‘пазуха, объятия’ – дальняя внутренняя часть горного пространства, *ооз* ‘рот’ – вход в ущелье, выход горной реки на равнину, *тамак* ‘глотка, горло’ – узкое место входа в ущелье, *кабак* ‘веко’ – рытвина, впадина, обрыв.

Второй член данной оппозиции “снаружи” может быть представлен словами: *сырт* ‘внешняя сторона, внешность’ – высокогорная долина. Кроме того, значение данного члена оппозиции может быть выражено и другими способами, выражающими внешние части тела: *бет* ‘щека, лицо’ – склон горы, *каттал* – ‘бок, боковая часть’ – пологий склон горы и др.

3. Оппозиция “впереди” – “позади или сбоку” также важна для выстраивания объемного пространственного образа гор. Человеку важно знать, каков рельеф местности спереди, а что находится позади или сбоку, поскольку горная местность ограничивает видение горизонта. Функция “впереди” реализуется в метафорических ассоциациях, создаваемых соматизмами *маңдай* ‘лоб’, *чеке* ‘лоб, висок’, *төш* ‘грудь’, *көкүрөк* ‘грудь’ (каждая из двух половин). Для киргизского языкового сознания “впереди” – это все то, что находится на противоположной стороне. *Маңдай* обозначает противоположный склон горы, отделенный, как правило, от субъекта руслом реки; *чеке* – небольшая часть горного пространства, ограниченного какими-то пределами; *төш* указывает на пространственную локализацию объекта, обозначая часть горы выше подошвы или нижнюю часть склона, угорье. Сравните, *төш түбүндө* – под горой. В отличие от төш словом *көкүрөк* можно обозначить левую или правую часть склона горы. Например, *Сол көкүрөк тараптагы айыл* ‘Айыл, расположенный с левой стороны склона горы’.

Другой член этой оппозиции – “позади или сбоку” выражен через соматические названия: *жамбаш* ‘правая или левая часть бедра’ – *тоодун жамбашы* ‘левая или правая сторона горы’; *арка* ‘спина, задняя сторона, тыл’ – *тоодун аркасы* ‘задняя сторона горы’, *далы* – ‘лопатка’ – *тоодун далы жак бетинде* ‘на лицевой стороне лопаток гор’, *кабырга* ‘ребро’ – *тоодун сол кабырга жагынан* –

‘со стороны узкой боковой стороны горы’, *каптал* ‘бок’, *жаак* ‘челюсть’.

Следующий тип когнитивной оппозиции строится на противопоставлении по признаку “центральный – периферийный”. Центральными представляются метафорические переносы, основанные на пространственном представлении о тех частях тела, которые занимают центральное положение в отношении других его составляющих. Это слова *киндик* ‘пуговина’ и *жүрөк* ‘сердце’. В переносном значении слово *киндик* имеет значение основа, центр. На этой семантике строится выражение *киндик дөбө* ‘пуговинная вершина’, которая обозначает гору или холм, занимающий центральное место по отношению к окружающему пространству. Известны собственные географические названия. *Киндик*, *Кара-Киндик* – это названия высокогорных селений, расположенных далеко в горах. Слово *киндик* включается также состав таких метафорических оборотов, как *мал киндиги өрүш* ‘тучное горное пастбище’. Метафора основана на том образе, что ребенок связан с матерью через пуговину, растет, получая через нее питательные вещества. Поэтому горная местность с хорошим выпасом и водопоем для скота называется *мал киндиктүү жер*.

Одно из пространственных значений слова *киндик* связана с метафорически-образным обозначением Родины как места, где человек родился. Ср., *киндик кескен жер* или *киндик канын бууган жер* ‘родные места (букв. место, где была обрезана пуговина или где остановлена кровь пуговины)’.

Жүрөк ‘сердце’ по своему образу служит для обозначения небольшого холма в горной местности. Это наименование также встречается в образно-поэтических названиях собственных географических имен: *Жараланган жүрөк* ‘разбитое, раненое сердце’ – так называется центральная гора Иссык-Кульской области, напоминающая сердце, расколотое на две равные части.

Периферию составляют соматизмы в метафорическом значении, обозначающие нечто внешнее по отношению к срединной части горного ландшафта: *каптал* ‘бок’ – *тоодун каптал жаагы* ‘боковая сторона горы’; *жаак* ‘челюсть’ – *тоодун жаагы* ‘пологая верхняя часть горы’; *жамбаи* ‘правая или левая часть бедра’ – нижняя часть горы, *арка* ‘спина, задняя сторона, тыл’, *далы* – ‘лопатка’.

Другой тип оппозиции “внутри-снаружи” соотносительно с оппозицией “в – из” (отличается от нее семантикой “статики – динамики”) и использует соматические наименования для обозначения различных углублений и неровностей в строении горы, откуда может вытекать вода, открываться вход в углубление или можно укрыться в случае

непогоды и др. Так, *колтук* обозначает ‘тупиковое окончание оврага’, *көз* место выхода воды из горного источника, *ич* – внутреннюю часть горного пространства, *бөйрөк* – впадину на склоне горы, *жатын* – сухое закрытое место в горах, где лежит скот, *коюн* – внутреннюю часть горного пространства, *ооз* – вход в ущелье, выход горной реки на равнину, *тамак* – устье реки, вход в ущелье, *кабак* – рытвину, впадину; обрыв.

Второй член оппозиции “снаружи” представлен одним словом обобщающим словом *сырт*, *тыш* ‘внешняя сторона, внешность’, противопоставленным внутренним органам человека. Поэтому каждая часть тела может выступать в роли данного члена оппозиции: *ичи* – *тышы*, *сырты*, *коюну* – *боору*, *төш* ‘грудь’, *боор* ‘нижняя часть живота’, *көкүрөк* ‘грудь (каждая из двух половин)’.

Телесный культурный код используется сознанием не только для ориентации человека в условиях повседневной пространственной реальности, но и служит продуктивным способом обозначения географических объектов [12]. По языковым данным для киргиза образ реального мира сквозь призму телесного кода становится более объемным, обретает стереометрический характер, где для человеческой жизнедеятельности значимыми становятся не только такие свойства предметов, как длина и ширина объекта, но и его высота [13]. В совокупности с другими способами номинации телесный код выделяет и означает объемный и детализированный образ горного ландшафта, который наиболее полно отвечает социальной и хозяйственной деятельности киргизов.

Описываемый фрагмент образа мира в языковом сознании киргизов сформировался из архетипических представлений, берущих начало в глубокой древности. Основой их формирования стала экологическая среда, кочевой образ жизни, специфика социально-экономической деятельности, связанная с разведением животных, которые в совокупности легли в основу древних архетипов, определяющих национально-культурные особенности языковой картины мира киргизского этноса.

Литература

1. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья // Эмиль Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
2. Гумбольдт В.фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 2000.
3. Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2007.

4. *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры: приглашение к разговору / В.В. Красных // *Язык, сознание, коммуникация*: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19.
5. *Кочеваткин А.М.* Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка: лингвогеографический анализ: дис. ... канд. филол. наук / А.М. Кочеваткин. Саранск, 1999.
6. Манас: киргизский героический эпос. М.: Наука, 1984.
7. *Петров В.В.* Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы / В.В. Петров // *Вопросы языкознания*. 1988. № 2. См. также сб.: *Новое о зарубежной лингвистике*, вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
8. *Араева Л.А.* Языковая картина мира китайцев: на материале фрейма “семейство бобовых” / Л.А. Араева, В.А. Адамовская // *Языки в диалоге культур*. Бишкек, 2017.
9. *Кравченко А.В.* Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1996.
10. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. М.: Едиториал УРСС, 2004.
11. Кыргыз тилинин сөздүгү. Бишкек: AVRASYA JAYINCILIK, 2010; *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь / К.К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965.
12. *Сулайманова Л.С.* Народные географические термины в топонимии Кыргызстана / отв. ред. Б.О. Орузбаева / Л.С. Сулайманова. Бишкек: КРСУ, 2009.
13. *Давыдова Ю.А.* История исследований когнитивных способностей в кросс-культурном аспекте / Ю.А. Давыдова, А.А. Белецкая // *Вестник КРСУ*. 2014. Т. 14. № 1. С. 89–93.